

От автора

Приношу глубокую благодарность всем, кто проявил интерес к моей книге. Мне приятно было узнать, что 473 человека прочитали опубликованные две главы на сайте журнала. Предлагаю еще несколько фрагментов книги. Я уже рассказал о моих предках-медиках, благодаря которым я стал врачом. Наряду с медициной в мою жизнь навсегда вошло и искусство. Поведаю о тех, кто создавал мой духовный мир.

Е.П. и В.А. Каменоградские были музыкантами. Именно они привили мне горячую любовь к искусству. А.Г.Василевский был актер и режиссер. Он мой основной театральный педагог на самодеятельной театральной сцене. Многие годы он вдохновенно учил нас студентов-медиков театральному искусству. Ректоры медицинского института тех лет Б.А.Никитин, И.М.Поповьян и Н.Р.Иванов прекрасно понимали, что врач не должен замыкаться исключительно в профессиональных рамках. В медицинском институте была прекрасная самодеятельность: хор, ансамбль скрипачей, драматический коллектив. Руководить ими приглашались лучшие деятели искусства. А на всех ярких спектаклях и концертах в первых рядах студенты видели своих профессоров и преподавателей.

Кстати, В.А.Каменоградская, будучи вокальным педагогом, проявила и медицинские способности. Тяжело заболел ее любимый муж, и она научилась делать инъекции и анализы, работать с микроскопом и т.д. Да, медицина и искусство - неразделимые составляющие моей жизни.

СВЕТ ТЕПЛА И ДОБРОТЫ

(Композитор Е.П. Каменоградский и его семья)

**"В ВАШЕМ ДОМЕ, КАК СНЫ ЗОЛОТЫЕ,
МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ ТЕКЛИ"...**

Е.П.Каменоградский

Родители Никиты - Евгений Павлович и Вера Александровна Каменоградские - коренные петербуржцы. В Саратове семья Каменоградских оказалась в военном 1943 году: Калининский детский театр был эвакуирован в наш город. Я еще не был знаком с ними, когда прямо в помещении ТЮЗа жили они вместе с семьей Юрия Петровича Киселева и другими деятелями этого театра. А вот первую комнату Каменоградских, на улице Сакко и Ванцетти, помню. Дом был старый, комната темная и холодная, почти полуподвал. Спасала большущая, как мне тогда почему-то казалось, медвежья шкура, на которой тепло было играть Никите и мне. В действительности это был овчинный "архалук" (шутливое название Евгения Павловича). Ника привез с собой несколько самых любимых игрушек: двух матерчатых кошек, резинового льва и зайчика в красных штанишках. Про этого зайца Красноштанского (так он звучно звался) Евгений Павлович придумывал бесконечные увлекательные истории, в которых участвовали обе немного трусливые кошки и лев по кличке "Недоверчивый", так как он вечно сомневался во всем. Позднее эта сказка Евгения Павловича под названием "Приключения зайца Красноштанского" шла в моем домашнем кукольном театре. Как жаль, что я не записал хотя бы один из бесконечных вариантов этой удивительной сказки дорогого Евгения Павловича. Да и сам ее знаменитый герой, который перешел по наследству к моей дочке Леночке, куда-то исчез бесследно.

Первое время дядя Женя и тетя Вера были для меня просто очень добрые Никитины папа и мама, полюбившие меня как своего второго сына (со временем редкий день проходил, чтобы я не был у них). Ну а потом я узнал, что Евгений Павлович - композитор, дирижер и заведующий музыкальной частью ТЮЗа, а Вера Александровна - хормейстер театра и вокальный педагог. Вне дома Никиты увидел я Евгения Павловича в оркестровой

яме, за дирижерским пультом, в самом конце 1945 года, когда пришел в ТЮЗ. Моим первым спектаклем была "Сказка о царе Салтане" по А.С.Пушкину. Тогда в ТЮЗе был "живой", очень небольшой по составу оркестр. Евгений Павлович был такой мастер оркестровки, что в исполнении этого камерного оркестра сказочная музыка Н.А.Римского-Корсакова звучала дивно. Не только благодаря актерам, декорациям, но и волшебной звучащей музыке я полюбил белку, богатырей, царевну Лебедь и даже летящего шмеля. Вот с того-то незабвенного дня я окончательно "заболел" театром и на всю жизнь полюбил классическую музыку (последнее произошло не в музыкальном, а в драматическом театре - ТЮЗе - благодаря Евгению Павловичу).

В.И.Давыдов, Е.П.Каменоградский, Ю.П.Киселев и другие на репетиции спектакля «Золотое сердце» (1950г)

Через несколько лет семья Каменоградских переехала жить на Цыганскую улицу (ныне Кутякова), дом 56, квартира 4. Сколько же лет я ежедневно ходил туда от улицы Советской, где я жил, по Вольской, мимо родного ТЮЗа, до их дома! Помимо них в коммунальной квартире жили еще три семьи. Комната Каменоградских на втором этаже была светлой и больше прежней, но холодной, так как располагалась над аркой дома. Зато как же тепло, уютно, весело и интересно шла жизнь в этой удивительной семье! Евгений Павлович и Вера Александровна были на первый взгляд совершенно разные люди ("лед и пламень"). Вера Александровна - удивительно энергичная, активная, неутомон-

ная, кипучая и взрывная натура, а Евгений Павлович - мягкий, тактичный, выдержанный человек с удивительной мудростью, юмором и спокойствием. А вот доброта и деятельная любовь в равной мере были присущи им обоим. Они дополняли один другого, предано и нежно заботились, берегли, любили друг друга и, конечно, своего Никиту. Более прекрасной, светлой, гармоничной семьи я не видел в жизни. Ко мне они относились как ко второму своему сыну. Но, я думаю, каждый, кто общался с ними, ощутил на себе их тепло, доброту, стремление помочь, сделать что-то хорошее, радостное, их внимание и чуткость. Мне думается, что Евгений Павлович знал все, был поистине энциклопедически образован, но оставался при этом скромнейшим человеком, никогда не кичился своими знаниями, эрудицией. Наоборот, получалось так, что его собеседник чувствовал себя на равных - так просто, естественно и увлекательно вел разговор Евгений Павлович.

Вот он берет с полки приключенческий французский роман, вслух читает его нам с Никитой, чтобы мы ощутили красоту французского языка, тут же свободно переводит без всякого словаря, увлекая нас французской литературой. Он очень любил Дюма, Бальзака, Золя, а особенно - Мопассана. Видя, что мы загорелись, начинает учить меня и Никиту французскому языку (но нас хватает ненадолго - ох уж эта наша лень!). Французским языком Евгений Павлович владел в совершенстве, неплохо знал немецкий. Английским, как он говорил, владел слабо, но этих «слабых» знаний его вполне хватало, чтобы помогать Никите и мне, когда мы стали изучать этот язык у нашей дорогой Раисы Семеновны Липкиной (всю жизнь она помнила нас всех и интересовалась судьбой каждого). А в медицинском институте я начинаю пыхтеть над необходимой врачу латынью. И опять приходит мне на помощь Евгений Павлович, который знал основы латыни и греческого.

В детстве Никиту влекла мужественная романтика Джека Лондона и особенно море, корабли. Евгений Павлович великолепно знал историю мореплавания, типы кораблей, имена мореплавателей, знаменитых капитанов и адмиралов флота. Невольно с восхищением думаешь о том, какие знания давала классическая старая гимназия (и, конечно, два вуза, которые окончил Е.П. Каменоградский). Помогал он, когда возникали затруднения с мифами, путаница в исторических событиях и датах, трудности с точными науками; удивлялся скудностью моих географических познаний или слегка подтрунивал, когда я не мог усвоить какими земными богатствами славится та или иная страна. Тут же вспоминал гимназические шутки. Один ученик успел к экзамену подготовить вопрос о климатических особенностях Италии, а в билете оказалась Испания, но он не растерялся и уверенным громким голосом начал: "Прежде чем остановиться на климате Испании, необходимо вспомнить о климате Италии". И затараторил, как ни в чем не бывало. Или другая, уже

преподавательская шутка, обращенная к нерадивому ученику: "Два балла, сядем и успокоимся", - так учитель реагировал на рев ученика.

Евгений Павлович видел, что я мало знаю творчество Н.С. Лескова. Что же делал Евгений Павлович? Он тут же брал с книжной полки кирпично-красный том из собрания сочинений писателя и начинал с листа с артистическим блеском читать с листа - так он чувствовал язык. Юмор автора, все персонажи представляли как живые. Когда он читал "Дух госпожи Жонлис" или "Излишнюю материнскую нежность", хохот стоял гомерический. Он закрывал том и давал мне его почитать. Дело кончилось тем, что "Излишняя материнская нежность" на долгие годы вошла в мой самодеятельный чтецкий репертуар в память о дорогом Евгении Павловиче. Так же случилось и с комедийным произведением Ф.М. Достоевского "Чужая жена и муж под кроватью".

Евгений Павлович и Вера Александровна хорошо знали, понимали и любили живопись и пытались привить эту любовь и мне. Постоянно их дом пополнялся художественными альбомами. Многие годы они были дружны с директором музея имени Радищева Валентиной Федоровной Завьяловой, а в начале 60-х годов очень сблизились с выдающимся художником Николаем Михайловичем Гуциным (несколько раз и мне посчастливилось общаться с ним в доме Каменоградских). Любил он быть в их доме без чужих. Каменоградские с нетерпением ждали его визита. И Николай Михайлович, жизнь которого была очень трудной в те годы, приходил с удовольствием. Тут он отдыхал душой и отогревался. Говорил он немного, но всегда интересно. Он так подружился с Каменоградскими, что подарил им несколько дивных своих миниатюр, которые украшали этот светлый дом. Умер Николай Михайлович в сентябре 1965 года, (менее чем через год не стало и Евгения Павловича). Но Вера Александровна не забыла друга и после его смерти. Только благодаря ее редкой энергии и невероятным усилиям на могиле "опального" художника с мировым именем был установлен памятник. Об этом было написано в опубликованных к 100-летию со дня рождения Н.М. Гуцина материалах в №7 журнала "Волга" за 1988 год.

Но я еще не сказал пока о музыке. В комнате стояло старенькое пианино, за которым Евгений Павлович работал (об этом позже), на стене висел дивный его портрет. Я очень люблю эту фотографию (такая же многие годы висела и в ТЮЗе), запечатлевшую свет, доброту и мудрость этого замечательного человека. А на стене его комнаты висели снимки дорогих ему людей - они смотрели на него со скромных, но очень заботливо сделанных стараниями Веры Александровны, фотографий. Это те, без кого он не проводил ни дня - его любимые композиторы: Чайковский и Рахманинов, Глинка, Римский-Корсаков, Мусоргский, Даргомыжский и Бородин, Танеев, Лядов и Скрябин. А из зарубежных - Моцарт, Бетховен, Бах, Шопен, Лист, Вагнер, Сен-Санс, Верди, Гуно... Евгений Павлович

часто что-нибудь интересное рассказывал об их жизни и творчестве. Иногда это были даже увлекательные микролекции (например, сравнение симфонической музыки его любимых Чайковского и Рахманинова). Какой же я был дурак и растяпа, что не записывал содержание этих бесед!

Зная, что у меня постепенно формируется домашняя фонотека (в основном записи вокалистов), Евгений Павлович понемногу, осторожно стал прививать мне вкус к симфонической и инструментальной музыке, которую он особенно любил. Тогда еще было много обычных («на 78 оборотов») пластинок. Мы слушали в записи оркестра под управлением Н.С.Голованова "Шехеразаду" Н.А.Римского-Корсакова, концерт А.Н.Скрябина в исполнении С.Фейнберга и многие другое. Часть этих дисков потом подарены были мне, я их бережно храню. Евгений Павлович и Вера Александровна подарили мне много книг по искусству, с трогательными или юмористическими надписями. Приведу пока только одну, сделанную на изданной на немецком языке книге о зарубежном киноискусстве с прекрасными фотографиями мастеров экрана:

*"Эта книга на немецком,
Но усиьем молодецким
Можно все ж ее понять,
Что к чему в ней разобрать.
Театрала преполезно
Вводит в курс кино - железно!
Превосходные актеры
И совсем немного вздора
Из китайского кино.
(Пропади совсем оно!)
И Жерары и Филиппы
И Габены, кино-типы
Очень много красоты
И немного наготы.
Тоже эти королевы
И простые дуры-девы!
Их сплошной калейдоскоп...
Но стихов довольно! Стоп!*

Милому Леше

г. Саратов, в дни XXIII съезда

5.IV.66 г., от Е. Каменогородского

Музыковед Наталья Сергеевна Аршинова вспоминает, как Евгений Павлович прислал ей (очень часто и дарил) ноты и книги по музыкальному искусству и как это помогло ей в ее профессиональном становлении.

Конечно, я тоже старался сделать что-то приятное Евгению Павловичу и Вере Александровне. Помню их восторг, когда впервые услышали они исполнение несравненной Ренатой Тебальди арий из опер Д. Пуччини. Я подарил эту маленькую, впервые вышедшую у нас пластинку, которую приобрел в Москве.

И, конечно, непосредственно в концертных залах приобщали меня Каменоградские к серьезной музыке. Особенно если исполнялось очень интересное произведение или приезжал какой-нибудь замечательный гастролер. До сих пор вспоминаю, с каким артистизмом и юмором изображал Евгений Павлович бегущих с инструментами под мышкой музыкантов на назначенную чуть ли ни на 7 утра репетицию удивительного дирижера Кирилла Петровича Кондрашина, творчество которого он очень ценил. Вера Александровна и после смерти мужа часто бывала в консерватории или филармонии, причем можно было поучиться даже тому, как она сидела и слушала музыку на этих концертах, как весь вечер прямо "держала спину", хотя ей было тогда уже немало лет (об этом как-то интересно вспоминал артист филармонии Алексей Андреевич Киреев).

Я уже начал говорить о комнате, в которой жила семья Каменоградских. Продолжу этот рассказ. Сразу за дверью, направо, стояла круглая газовая печка, которую зимой нужно было часто топить, чтобы поддерживать необходимые для нормальной жизни тепло. Дальше, за занавеской, - кровать Веры Александровны и Евгения Павловича (Никита спал на раскладушке). Когда я ночевал в их доме, то примерно с половины шестого утра уже слышал нарастающее скрежетание трамвая, который все приближался и приближался, наконец проносился со страшным ревом и грохотом, а затем этот скрежет о трамвайные пути постепенно удалялся, но через какое-то время возникал снова. Так весь день. Но в дневные часы все-таки шум этот не так мешал работать Евгению Павловичу.

К изголовью кровати был приставлен задней стенкой маленький буфетик с посудой, напротив располагался холодильник. Он стоял у стены с окном на улицу. Рядом с холодильником, возле окна, был письменный стол. Затем мой "заветный" стул, который был втиснут между тумбой стола и расположенным уже вдоль третьей стены книжным шкафом, за которым располагалось высокое старинное зеркало, далее - уже упомянутое пианино. А в углу стоял платяной шкаф, прислоненный к четвертой стене слева от входной двери. Комната была не очень большая, но высокая, поэтому со временем на шифоньер был водружен сундук для зимней (или летней) одежды, а над книжным шкафом появи-

лись такой же высоты верхние ярусы полок для книг. Так мудро Вера Александровна решала «территориальные» сложности. В центре комнаты располагался круглый раздвижной стол, за которым каким-то фантастическим образом размещались порой до 20 человек. Кто же тут только не бывал! Чаше других из представителей старшего поколения приходили полная, колоритная, замечательная актриса ТЮЗа Зинаида Александровна Чернова и ее муж - высокий и худой как палка актер - милейший Григорий Сергеевич Дыбов; степенный, неторопливо говорящий с сочным, чуть-чуть тяжеловатым юмором, ведущий мастер этого же театра Василий Петрович Ермолаев с супругой Ксаной (как ее все называли), добродушной, но немного несобранной, порой перескакивающей в разговоре с одного на другое.

Я уже упоминал умную, знающую Валентину Федоровну Завьялову, возглавлявшую многие годы наш Художественный музей имени А.Н. Радищева. А особенно много бывало веселой, шумной молодежи ТЮЗа или слегка застенчивых учениц Веры Александровны из дошкольного педучилища. Поистине завсегдатаями в этом доме была молодая чета актеров ТЮЗа - Саша и Лида Гусевы, немного позже - и Леша Киреев.

Несколько слов об очень талантливом Саше Гусеве, который потерял зрение совсем в молодом возрасте, сумел освоить совершенно новую для него профессию массажиста. Сколько же доброго сделала для его семьи дорогая Вера Александровна. Увы, Саши уже нет с нами, но Лида никогда не забывает заботу, доброту, внимание Веры Александровны и Евгения Павловича.

Несколько слов об атмосфере вечеров. Жизнь тогда была довольно бедная, угощения были скромные, веселящих напитков тоже не было (по большим праздникам - виноградное вино). Главным всегда было общение хороших добрых людей, шутки, смех, розыгрыши... Душой общества был Евгений Павлович с неистощимым запасом интересных рассказов, юмористических историй, острот и т. п. Большие праздничные застолья были все же не такими уж частыми, зато «на огонек» тепла этого дома еженедельно кто-нибудь заходил. Тут же на круглом столе появлялись булочки или печенье, что-нибудь сладкое и обязательно очень вкусный чай Веры Александровны, который в шутку называли "кронштадтским». Из Петербурга в Кронштадт плыли ". От Евгения Павловича я узнал историю этого на купцы и всю дорогу пили крепкий чай. Когда же чай начинал светлеть, то становилось ясно, что близок Кронштадт. Но в семье Каменоградских это была шутка ("Ну что, "кронштадского" выпьем?") - фирменный чай Веры Александровны всегда был крепкий и очень вкусный. А главным, конечно, было человеческое общение, желание узнать что-то новое, интересное, согреться душой. Потому-то так и любила приходить сюда молодежь. Не случайно сказано: "Так хочется немножечко тепла..." Так вот, в этом доме любого за-

ботливо могли выслушать, дать мудрый совет, прийти на помощь, согреть вниманием и теплотой щедрых добрых сердец.

Общение с семьей Каменоградских не ограничивалось их домом. Они любили проводить отпуск в Кисловодске, звали и меня с собой. Такая поездка состоялась у меня летом 1960 года. Каменоградские уже отдыхали в Кисловодске. Я прилетел в Минеральные воды. В вагоне электрички ехал балетмейстер Саратовского театра оперы и балета Валентин Тимофеевич Адашевский - талантливейший актер и постановщик, чудесный человек. Я набрался смелости, подошел и представился ему, рассказал, что еду в Кисловодск, к Каменоградским.

Валентин Тимофеевич высоко ценил талант Евгения Павловича. (Они совместно работали над балетом "Песочные часы" Каменоградского, но из-за внезапной смерти Адашевского замысел этот остался незавершенным.) Мы мило беседовали с Валентином Тимофеевичем до Пятигорска, где у него была пересадка, а я поехал дальше.

И вот я впервые в Кисловодске, который полюбил навсегда. Какой чудесный уголок неброской дивной природы! Волшебный воздух пьешь как живительную влагу, целебный нарзан. Деревья, цветы, красоты горных окрестностей... Не говорю уж о том, что эти места неотделимы от имени М. Ю. Лермонтова.

В летние месяцы в Кисловодске шла интереснейшая музыкальная жизнь. Так, Каменоградские были в восторге от концерта несравненной И. И. Масленниковой (я приехал позже). Мы много ходили на концерты оркестра К.П. Кондрашина. Благодаря волшебной палочке этого дирижера музыка звучала прекрасно. Особенно покорила меня тогда концерт для скрипки с оркестром Мендельсона. Именно в это же время шел американский кинофильм "Рапсодия" с молодой, талантливой и ослепительно красивой Элизабет Тейлор. В кинофильме тоже звучал этот скрипичный концерт Ф. Мендельсона.

Тогда же произошла моя встреча с Жанной Беспаловой. Её родители были соседями семьи Контарь, у которых многие годы останавливались Каменоградские. Жанна училась тогда в Ростовском университете и тоже приехала к родителям на каникулы. Мы познакомились и стали друзьями на всю жизнь (позднее она помогала мне в моих творческих исканиях в самодеятельном искусстве).

Ездили мы на юг и вдвоем с Никитой Каменоградским. Вера Александровна обладала многими талантами, в том числе была и "великим дипломатом". Дело было так. Она пришла к моему папе и начала разговор: "Дорогой Николай Васильевич, мы с Евгением Павловичем хотим отправить Никиту после успешной сдачи экзаменов на юг (это был колхоз имени Чкалова между Сочи и Адлером). Как было бы хорошо, если бы Вы отпустили и Лешу с ним". Выяснив, во сколько в денежном выражении обойдется эта поездка,

папа благосклонно сказал: "Ну что же, Вера Александровна, я думаю, наши мальчики заслужили эту поездку". Так, с легкой руки Веры Александровны мы с Никитой побывали на берегу Черного моря, посмотрели Сочи, озеро Рица и другие прекрасные места. Попутно скажу, что Евгений Павлович и мой папа очень уважали и ценили друг друга, добрые приятельские отношения были у Каменоградских и с моей мамой. Ну а Вера Александровна буквально благоговейно относилась к папе и его таланту большого хирурга.

Вот так рос, вырослел, становился человеком мальчик Леша, у которого, к счастью, помимо родительского, был еще один родной дом дорогих Евгения Павловича и Веры Александровны. Прежде всего, благодаря именно им я полюбил искусство и красоту. Всю жизнь я несу в сердце благодарную память об этих удивительных, так любивших меня людях.

Е.П.Каменоградский, В.А.Каменоградская, А.Герасимов и Н.Каменоградский в Кисловодске

АНДРЕУС И ЕГО ВОСПИТАННИКИ

"Я помню время золотое"

Ф. Тютчев

"Я за нашу веселую дружбу

Всех святителей ныне молю"

А. Ахматова

"Друзей моих прекрасные черты"

Б. Ахмадулина

А.Г.Василевский

В 1952-1954 годах я играл не только на сцене Дворца пионеров, но участвовал и в спектаклях школ №19 (моей мужской) и №4 (женской). Драматическими кружками в них обеих руководила прекрасная актриса театра драмы Галина Федоровна Лунина (яркая, задорная, "с изюминкой"). В нашей школе она поставила второй акт "Ревизора" Н.В.Гоголя (я играл Бобчинского), а совместно с девочками в школе №4 мы играли в ее постановке пьесу В.Любимовой "Снежок". В этом спектакле мне пришлось быть учителем Такером, и ведущим.

Было время, когда в театре драмы две молодых актрисы Галина Лунина и Ливия Шутова как бы соревновались "на равных" – кто в каком спектакле и даже в одной и той же роли проявит себя интереснее и ярче. В "Ревизоре" Н.В. Гоголя они играли губернаторскую дочку, в "Великом государе" В. Соловьева – Марию Нагую, в "Вей ветерке" Я. Райниса играли по очереди две роли – Барбу и Зану, а в спектакле "Годы странствий" А. Арбузова Шутова играла Люсю, а Лунина – Ольгу. Порой им приходилось дублировать саму Нину Анатольевну Гурскую. Так в спектаклях "На бойком месте" А.Н. Островского и "Коварство и любовь" Ф. Шиллера Аннушку и Луизу Миллер играли Н.А. Гурская и Л.В. Шутова, а в водевиле Н. Винкстерна "Друзья сочинители" Н.А.Гурская и Г.Ф. Лунина по очереди исполняли роль певицы Антураж. Лунина ярко запомнилась мне в спектаклях П. Когоута "Такая любовь" (Лида Матисова), В. Шекспира "Укрощение строптивой" (Бьянка). А еще хорошо помню ее озорную девушку Галю с цветком в зубах, военной фуражкой на голове, пленительной улыбкой и искорками в глазах ("Хрустальный ключ" Е. Бондаревой). Потом Галина Федоровна уехала, а Ливия Васильевна Шутова вскоре стала лучшей исполнительницей ролей молодых героинь. Созданные ею образы отличались психологической глубиной, тонким лиризмом. Замечательно играла она Соню в "Дяде Ване" А.П. Чехова, Павлу в "Зыковах" М.Горького, Нину в "Маскараде" М.Ю. Лермонтова.

Зрители старшего поколения, конечно, помнят спектакль "Барабанщица" А.Салынского и ее Нилу Снежко. Шутова играла Комиссара в "Оптимистической трагедии"

дии" В.Вишневого и много других ролей. Потом она работала в Кишиневе, а затем в Москве, в театре на Малой Бронной, но расцвет этой прекрасной актрисы связан именно с Саратовским театром драмы.

В 1955 году я поступил в медицинский институт.

Конечно, я пришел в драматический коллектив, руководить которым в том году стала Ливия Васильевна Шутова. Так я познакомился с этой яркой актрисой и очень хорошим, добрым, мягким человеком. В наш драматический институтский коллектив одновременно со мной пришла Тамара Новокрещенова, с которой мы много играли в дальнейшем. Нас сразу стали заботливо опекать "ветераны" драмы Лева Ляйфер и Люся Спиридонова. Старожилы кружка поведали нам о большом успехе поставленного годом раньше прекрасным актером С.П. Ожигиным спектакля "Годы странствий" А. Арбузова, а исполнение главной роли Александра Ведерникова Владимиром Зюзиным стало событием в городе.

Шутова работала с уже упомянутыми "ветеранами"левой Ляйфером, Люсей Спиридоновой, а также с Володей Башкировым и Лилей Кондрашенко (они были курсом старше меня, а Лилю я помнил еще по Дворцу пионеров – она была чудесной Гердой в "Снежной королеве") над сценическим воплощением поэмы А.С. Пушкина "Цыганы", но дальше застойного периода репетиции не продвинулись. Л.В. Шутова готовила с нами пьесу "Студент третьего курса" А. Березиной и А. Давидсона. Если говорить честно, то таланта режиссера у Ливии Васильевны не было. Ей помог актер В.Я. Тарасов. Спектакль из жизни студентов получился приятный, но не более. Я играл молоденького студента Костю Зимина, по сути дела самого себя, так что особых сложностей при подготовке роли у меня не было.

Осенью следующего 1956 года (после перерыва в несколько лет) вернулся руководить драматическим коллективом замечательный актер и режиссер театра драмы Андрей Германович Василевский. Хочу вспомнить хотя бы некоторые его сценические создания: Н.В. Гоголь - "Мертвые души" (от автора), М.Ю. Лермонтов - "Маскарад" (загадочный Неизвестный), В. Шекспир - "Двенадцатая ночь" (дворецкий Мальволио) и "Укрощение строптивой" (Педант); В.А. Смирнов-Ульяновский - "Великий демократ" (Н.А. Некрасов), Н.Ф. Погодин - "Кремлевские куранты" (Дзержинский), В. Соловьев - "Великий государь" (Василий Шуйский), В. Вишневский - "Оптимистическая трагедия" (Сиплый), Ф. Шиллер - "Коварство и любовь" (секретарь президента Вурм), П. Когоут - "Такая любовь" (Человек в мантии), Д. Килти - "Милый лжец" (Б. Шоу). В последнем спектакле роль Стеллы исполняли Н.А. Гурская и В.К. Соболева. Как режиссер (в содружестве с другими или самостоятельно) на сцене драматического театра А.Г.Василевский ставил "Великого демокра-

та" (с А.Л. Грипичем), "Друзья сочинители" (с Б.В. Щукиным), если мне не изменяет память, спектакль "Пигмалион" и другие.

У Андрея Германовича был и изумительный дар театрального педагога, преподавал он будущим актерам, но особенно любил работать в самодеятельном искусстве.

Чтобы узнать нас, для "разминки" он взял написанную в стихах комедию Ю. Мячина "Размолвка". Этот спектакль совершенно выпал из моей памяти (оказывается, я играл там какого-то профессора). Помню лишь несколько строчек:

"Кольца, колье,

Четыре браслета...

И ниже талии декольте" –

так хвасталась своим богатством какая-то героиня, эффектно поворачиваясь на последних словах спиной к публике и демонстрируя сногшибательный по тем временам вырез на платье. Но не в этом спектакле дело. Суть была в том, что Андрей Германович учил нас, готовил к будущим удивительным для самодеятельности работам.

Андрей Германович обожал пьесу Б. Шоу "Пигмалион", тонко ощущал парадоксальный юмор великого английского драматурга. Работал он с нами увлеченно, страстно и упорно. Не будет преувеличением сказать, что спектакль получился великолепный. 14 апреля и 1 декабря 1958 года театр драмы имени К. Маркса был переполнен (наши студенческие спектакли шли обычно в этом театре). Пришли не только студенты и преподаватели медицинского института, но и других ВУЗов, актеры, любители театра.

Прием был восторженный. Андрей Германович совершил чудо - все исполнители были очень хороши (подлинный ансамбль), мы играли с ощущением стиля автора, ярко, заразительно, с искрящимся юмором и молодым задором. Володя Башкиров удачно раскрыл парадоксальность профессора фонетики Хиггинса, непредсказуемость поступков этого фанатика науки речи, его неприспособленность к простым житейским делам. А за всем этим ощущалось его мужское обаяние.

Хороша была Рита Зубарева - Элиза Дулитл! Красивая, задорная, острая. Рите удалось показать динамику образа: как этот "гадкий утенок", простая, неграмотная, но очень своеобразная и оригинальная уличная цветочница превращается в воспитанную и образованную даму, победительно появляющуюся в светском обществе.

Но путь Элизы был не простым. Великолепна была сцена первого "пробного" визита Элизы к матери профессора Хиггинса: сквозь поверхностный и утрированный, пока еще нанесенный, но не ставший органичным, "гиперболизированный лоск" поведения, прорывались живые, прекрасные своей наивностью и естественностью старые манеры уличной девчонки (всю чопорность как ветром сдувало). И только постепенно, после долгих уси-

лий и труда уличный сорванец в конце спектакля превращался в прекрасную женщину с тонкой, глубокой душой и внутренним достоинством.

Индивидуальность Юры Гвоздева как нельзя лучше совпала с его героем полковником Пиккерингом. Доброта, юмор, особая армейская выправка в сочетании со светскими манерами, склонность к резонерству - все это отлично получилось у Юры.

Хороша была Тамара Новокрещенова в роли миссис Хиггинс. Играла Тамара ярко, озорно. Ироничность, доброта, простота и изысканность были у ее героини.

Лида Иванова играла роль небогатой миссис Эйнсфорд Хилл. Мягкость манер, ограниченность, стремление как-нибудь "пристроить" своих детей. Удачным было ее наивное и восторженное удивление принятыми ей "за чистую монету" новыми нормами поведения в светском обществе - эти выданные Элизой "перлы" во время ее визита к миссис Хиггинс. Вообще это была одна из лучших сцен спектакля. "Партитура" ее была тонко разработана Андреем Германовичем. Профессор ревностно следил за поведением своей ученицы и носился туда-сюда. Элиза вела светский разговор о погоде, смачно разбавляя его рассказами о том, как "укокошили" ее тетку и "сперли" почти совсем новую соломенную шляпку, которая должна была достаться Элизе. Полковник пытался прийти на помощь. Мать внутренне смеялась, сохраняя внешне полную серьезность. Мечтающая пообщаться к высшему обществу миссис Эйнсфорд Хилл благоговейно внимала Элизе.

Ее дочь (мисс Хилл – И. Крамарская) тут же пыталась что-то перенять у Элизы, а сынок (Фредди – Э.Шешнев) был сражен "наповал" и предлагал проводить Элизу до дома. На это предложение следовала венчавшая сцену реплика Элизы: "Пешком?! К чертовой бабушке! Я на такси поеду!" Зрители хохотали от души!

Удачны были в спектакле чопорная экономка мисс Пирс (А. Лобанова), горничная (И. Медведева), прохожие (Г. Имеров и В. Шашурин).

Я играл в этом спектакле отца Элизы Альфреда Дулитла. Такой великолепной (я бы сказал "гастрольной") роли у меня еще никогда не было. Работать с Андреем Германовичем мне было необычайно интересно. Мой простой, бедный, бесшабашный, вольный мусорщик волей обстоятельств превращался в богатого лектора-проповедника. Но его тяготят все эти светские условности, а бросить все и вернуться к былой разудалой жизни ничего он не может (богатство буржуа уже затянуло его). Мне единодушно говорили все, что роль была моей удачей. Не мне судить, но играл я ее с огромным наслаждением. На премьере "Пигмалиона" был Никита Каменоградский, который впервые смотрел меня на сцене. Его отзыва я особенно боялся: лучший друг не стал бы кривить душой. Он был в восторге. Спектакль понравился всем моим родным и знакомым. Помню, как Надя Румянцева сказала мне: "Леша, как хорошо ты играл!". На программе спектакля "Пигмалион"

многие участники его написали мне теплые, добрые слова. Особенно дорога сделанная рукой Андрея Германовича запись:

"Ляксей! Конечно жаль, что ты врач! Ну, черт с ним. Еще поиграем! А. Василевский. 14.04.58г."

Ляксеем называл меня Андрей Германович лишь тогда, когда был мной особо доволен.

Студенты-медики М.Зубарева (Элиза), А.Лобанова (Пирс), А.Герасимов (Дулитл), В.Башкиров (Хиггинс) в спектакле «Пигмалион» (1958г)

А второй спектакль "Пигмалиона" 1 декабря того же года смотрела и Вера Александровна Каменоградская (у Евгения Павловича был спектакль). Я ей очень понравился – она даже не могла заснуть после нашего спектакля.

Элизу в этот раз играла вторая исполнительница этой роли Галя Киселева, которая тоже была интересной. Все остальные участники спектакля не имели дублера.

20 февраля 1959 года мы впервые выступали по телевидению. Записи на видеопленку тогда не делали, так что "Пигмалион" шел в прямом эфире. Элизу снова играла Рита Зубарева. Конечно, мы волновались, были у нас небольшие "накладки", вызванные непривычной обстановкой и ответственностью, но в целом все прошло хорошо, спектакль имел успех. С того дня у нашего драматического коллектива началась долгая дружба с телестудией: почти все наши постановки были показаны по саратовскому телевидению.

Мне очень жаль, что не сохранилось ни единого фрагмента из этого спектакля на магнитофонной ленте. Несколько лет тому назад я хотел записать хотя бы один из моих монологов мусорщика-проповедника Альфреда Дулитла, но понял, что не следует этого делать – повторить прежний "фейерверк" роли мне не удастся. Зато сохранилось много прекрасных фотографий. Даже они дают какое-то представление о том, что этот спектакль Андрея Германовича был действительно праздником самодеятельного театрального искусства.

Одной из самых любимых пьес Андрея Германовича был "Маскарад" М.Ю.Лермонтова. Он был выдающимся исполнителем роли Неизвестного на сцене драма-

тического театра. И вот Василевский решил попытаться поставить с нами в самодеятельном коллективе эту сложнейшую драму. Года за два до премьеры "Маскарада" он начал работать над двумя сценами Арбенина (Володя Башкиров) и Нины (Лиля Кондрашенко и Рита Зубарева). В этих двух сценах есть еще слуга Арбенина и служанка Нины. Андрей Германович привлек к этой пробной работе меня и Тамару Новокрещенову. Всю жизнь я благодарю судьбу, что мне выпало счастье участвовать в этих незабываемых репетициях. Роль слуги состояла всего из нескольких слов, поэтому я мог следить и жадно впитывать как Андрей Германович репетировал с Арбениным и Ниной. Он поверил в исполнителей. Работал вдохновенно, докапывался до таких психологических глубин, благодаря которым все мы не только очень выросли творчески, но и человечески. Во всяком случае, лично мне для жизни эти репетиции дали очень много: я стал на многое смотреть глубже и мудрее.

Когда эти две сцены были готовы, мы стали играть их в концертах, ощущая, что затрагиваем души зрителей. Особенно памятным было наше выступление в колонии для трудно воспитуемых девочек. Нину в тот вечер играла Рита. Такой благоговейно внимающей тишины зала я еще ни разу не ощущал. А когда отравленная Арбениным Нина умерла, реакция этих девушек была поразительна. С полными слез глазами, пылающими прекрасными лицами они чуть было не кинулись на сцену к Володе - Арбенину с негодуемыми возгласами: "Такую! Красивую! Чистую! Такую убить! Как можно сделать это!" Потом они пришли в себя, но непосредственность их реакции была поистине прекрасна. Думаю, что мы что-то хорошее пробудили в тот вечер в сердцах этих девочек.

Нужно отметить, что в те годы в нашем кружке собралась очень талантливая студенческая молодежь. Андрей Германович после предварительной "камерной" пробы приступил к работе уже целиком над спектаклем "Маскарад". И вот после длительного, упорного труда мы сыграли драму М.Ю. Лермонтова 11 мая и 12 октября 1959 года на сцене театра имени К. Маркса. Многие исполнители были хороши: Лиля Кондрашенко (пленительная, лиричная, безнадежно отстаивающая свое право быть счастливой, любить, жить Нина), Юра Гвоздев (яркий, красивый, порхающий по жизни князь Звездич); обе исполнительницы баронессы Штраль (Тамара Новокрещенова - мятущаяся и пылкая и Инна Фликер – разочарованная и страдающая).

Я теперь играл не слугу Арбенина, а совершенно непривычный для меня образ Шприха. Не знаю, прав ли был я, трактуя его как одного из главных действующих лиц. Во всех сценах мой герой практически постоянно был на сцене, следил за всем, все подслушивая, являясь вездесущими глазами и ушами Неизвестного. Ведь Шприх был одним из тех, кто вместе с Неизвестным погубил Арбенина, заставил "изнемочь" этот "блестящий

ум". Специально с Андреем Германовичем мы не говорили об этом, но он ни разу не возразил против такого моего решения образа, был удовлетворен моей работой. При этом я сохранил всю остальную неизменную сущность этого завистника, труса, соглядатая, сплетника. Я играл человека-козявку, но зловредную, пакостную, бесовскую натуру. Дьявольское начало своего Шприха я подчеркивал и его юркой, прыгающей, козлиной походкой, и злыми, бегающими, горящими и все высматривающими глазами, постоянно меняющимися интонациями голоса и выражением лица (Шприх моментально приспосабливался к происходящим событиям). Эта бесконечная злая жизнь моего Шприха продолжалась непрерывно и в бессловесных сценах. Сохранившиеся фотографии запечатлели ехидную улыбочку с хищным оскалом зубов и звериные глазки этого черта.

Пока я специально не сказал о самом главном исполнителе Володе Башкирове – Арбенине. Володя буквально потряс и зрителей, и нас, исполнителей. Играл он глубоко, умно, страстно и искренне всю роль. Но вершиной спектакля стала сцена сумасшествия Арбенина. Аплодисментам не было конца, за кулисы после окончания спектакля все ринулись поздравлять его. Пришли, обняли, расцеловали Володю многие мастера театра (в их числе были В.К. Соболева и Н.А. Гурская). Хвалили и поздравляли и нас. Спектакль сохранился в памяти многих любителей театра.

Студенты мединститута Ю.Гвоздев (князь Звездич), Л.Кондрашенко (Нина), В.Башкиров (Арбенин) и А.Герасимов (Шприх) в спектаклях «Маскарад» в постановке А.Г.Василевского (1959г)

Любопытная деталь. Я уже говорил, что роль Неизвестного была одна из "коронных" ролей Андрея Германовича. Так вот, когда 15 февраля 1960 года состоялся творческий вечер А.Г. Василевского (отмечалось его 55-летие и 35-летие сценической деятельности), он пригласил играть с ним сцену из "Маскарада" именно Володю Башкирова – Арбенина. Он так любил нас, что в его творческом вечере играли не профессиональные актеры, а участники художественной самодеятельности.

Не могу не сказать о том, что Андрей Германович пришел в 1965 году на встречу друзей-кружковцев (мы уже окончили медицинский институт, став врачами). О самой

этой дружеской встрече я еще расскажу, а сейчас не могу умолчать о том, что у меня дома экспромтом 29 июля 1965 года мы записали на магнитофонную ленту 2 и 3 картины "Маскарада". Исполнители: В. Башкиров - Арбенин, Л. Кондрашенко - Нина, Ю. Гвоздев - Звездич, Т. Новокрещенова - Штраль, А. Герасимов - Шприх и слуга Арбенина, а А.Г.Василевский - Неизвестный. Эта старая запись – драгоценная реликвия моей фонотеки.

Вы можете подумать, что я регулярно фиксировал в те годы все, что мы делали в нашем драматическом коллективе (так легко в моем повествовании я вспоминаю "лица, даты"). Нет, это, увы, не так. У меня сохранились фотографии, программы наших постановок, номера институтской газеты "Медицинские кадры", которая часто освещала успехи драмы СМИ. Есть и чудесный "театральный альбом". Но моя заслуга тут мала. Дело в том, что был настоящий "летописец" нашего кружка - многолетний бессменный староста Юра Гвоздев. Именно он сделал массу фотографий, собрал уникальный архивный материал и изумительно, прямо-таки художественно оформил его, создав произведения оформительского искусства – прекрасны надписи, подбор материала... Мой театральный альбом оформил тоже Юра. Он был очень талантлив, неистощим на выдумки. Умел организовать людей, согреть их своей душевной теплотой, окружить заботой. Яркими и интересными были сыгранные им роли. Он великолепно пел старинные романсы "Нищая", "Пара гнедых" (в манере Вадима Козина, только голос у Юры был с баритональной окраской), был душой любой компании. Окончив институт, Юра Гвоздев стал нейрохирургом, ассистентом кафедры СМИ.

До боли жалко, что его сгубила беда-болезнь многих талантливых людей, так что дорогого Юрочки нет с нами. Весь его огромный, интересный архив его жена Нина передала мне. Как-то в Саратов приехала Тамара Новокрещенова. Она и Володя Башкиров пришли ко мне домой. Мы вспомнили "время золотое", Юру, послушали архивные записи, смотрели альбомы. Володя предложил тогда, чтобы весь архив Юры был у меня, сказав, что не следует его "дробить". Думаю, что эта мысль Володи была мудрой. Тогда я и не помышлял еще ни о какой театральной книге. А как теперь пригодился этот уникальный материал.

Но продолжу свой рассказ. Наряду с такими сложными, большими спектаклями как "Пигмалион" и "Маскарад", которые удавалось показать 2-3 раза, Андрей Германович работал с нами и над миниатюрами для концертного исполнения. Мне довелось играть бухгалтера Хирина в "Юбилее" и моноспектакль "Трагик поневоле" (правда, эти произведения А.П. Чехова были сыграны всего несколько раз). А вот чеховские же "Предложение" и "Хирургию" где только мы не играли. Тамара Новокрещенова лихо, задорно, весело ис-

полняла роль Наталии Степановны в "Предложении", Юра Гвоздев был уморительно серьезным ее отцом Чубуковым, а я играл незатейливого жениха Ломова, бесконечно заявляющего, что у него сердцебиение. Юра и я играли и "Хирургию" (соответственно фельдшера Курятина и пациента дьячка Вонмигласова). Успех этих миниатюр у публики был большим. В январе 1960 года, когда отмечалось 100-летие со дня рождения А.П. Чехова, "Предложение" и "Хирургию" мы сыграли по телевидению и сделали запись на магнитофонную ленту.

Тепло принимали зрители и знаменитую миниатюру из репертуара А.И. Райкина "Ах, няня". Молодых супругов играли Юра Гвоздев и Лида Иванова, ну а я был нянькой Агафьей Тихоновной. Конечно, в основном я повторил в этой роли незабываемый рисунок Аркадия Исааковича, но внес и какие-то свои жизненные наблюдения. Так, например, в дом к Каменоградским приходила почтальон с неизменным громким возгласом: "Хозявы!" Этой репликой из-за кулис, вызывавшей сразу смех в зале, я и начинал сценку.

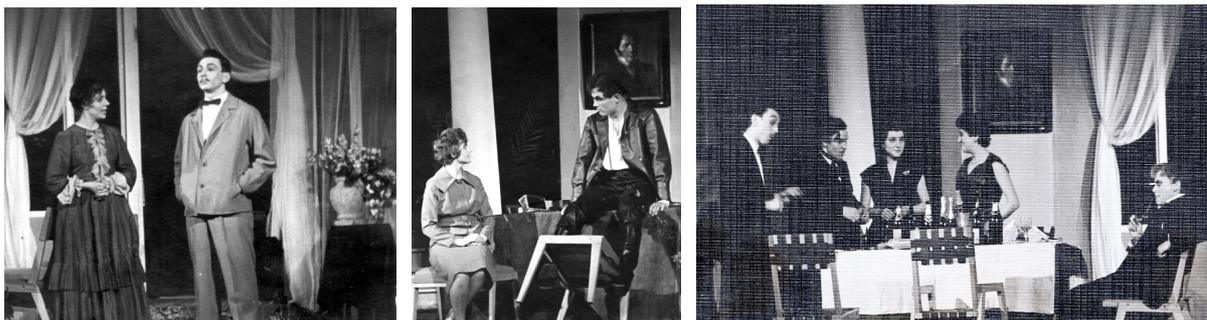
И все же главным всегда была работа с Андреем Германовичем над большим ежегодным спектаклем. После "Маскарада" Василевский принес пьесу испанского драматурга Алехандро Касона "Третье слово". А. Касона - автор знаменитой пьесы "Деревья умирают стоя", в которой когда-то играла Фаина Георгиевна Раневская. В нашем ТЮЗе тоже шел спектакль, поставленный по этой пьесе. Перу драматурга принадлежит также "Семь криков в океане". Действие пьесы происходит на океанском корабле, который терпит крушение. В эти-то страшные минуты и раскрывается подлинная, внутренняя сущность внешне respectable публики первого класса. Василевский поставил "Семь криков в океане" в Доме ученых, пригласив меня сыграть в спектакле яркую эпизодическую роль пассажира третьего класса, неожиданно врывающегося на верхнюю палубу с криками отчаяния.

Как только Андрей Германович прочитал нам "Третье слово", мы сразу же влюбились в эту чудную пьесу, которую играли потом самозабвенно. В этой мягкой, лирической пьесе много и смешных, и драматических сцен. В расположенном в живописной местности загородном доме живут две чудесные, милые немолодые женщины - тетя Матильда и тетя Анхелина со своим племянником Пабло. После пережитой семейной драмы отец Пабло увез мальчика в горы, где воспитывал его "без женщин и без книг", лишь в общении с природой. Отец умер, а ребенок превратился в сильного, мужественного 24-летнего красавца, понимающего язык птиц и животных, тонко чувствующего красоту и естественность простой жизни, выросшего в общении с окружающей его природой, но не умеющего читать и писать, совершенно не знающего жесткого мира людей.

Пабло живет теперь в родовом доме тетушек, скачет верхом на коне, мчится в горы на охоту, купается голым в холодной речке. Ну, а тетушки озабочены его воспитанием.

Они уже приглашали двух педагогов, но у тех ничего не вышло: первый действовал лаской – ушел через неделю, второй пытался применить силу – Пабло выбросил его в окно. И вот последняя надежда тетушек – они пригласили молодую очаровательную учительницу Маргу. С этого момента и начинается пьеса. Оба (и ученик, и учительница) делают успехи: Пабло быстро восполняет пробелы своего образования, а Марга ездит верхом на охоту, открывает неведомый для нее мир природы. Конечно, они полюбили друг друга. Но "цивилизованное" общество едва не погубило их. Молодые герои проходят через многие жизненные трудности, прежде чем обретают счастье, а Пабло узнает, что помимо хорошо знакомых ему с детства двух великих слов "Бог" и "Смерть", есть еще одно, третье слово, от которого "дрожит голос" и которое "лучше говорить молча". Это третье слово - "Любовь!" Вот такая своеобразная, психологически тонкая, поэтичная пьеса, которую автор назвал поэмой. Премьеру "Третьего слова" мы сыграли на сцене ТЮЗа 4 мая 1960 года.

Чарующей парой были Володя Башкиров (Пабло) и Лиля Кондрашенко (Марга). Играли они тонко, мягко, трепетно и глубоко.

Студенты И.Прапро (Матильда), А.Спирidonов (Юлио), Л.Кондрашенко (Марга), В.Башкиров (Пабло), В.Белов (Ролдан), А.Лобанова (Лу-лу), И.Крамарская (Фи-фи), А.Герасимов (Профессор) в спектакле «Третье слово» (4мая 1960г)

Прекрасен был Алеша Спиридонов в роли бесчестного женского сердцееда Юлио. Очень колоритен был и его отец-прохвост – управляющий Ролдан, которого играл Слава Белов. В начале работы над спектаклем у Славы были дублеры, но он оказался лучше всех и стал единственным исполнителем роли, а ведь это была первая сценическая "проба" тогдашнего первокурсника Вячеслава Белова. Забегая вперед, хочу сказать о том, что Слава был отличным врачом-нейрохирургом, профессором нашего медицинского института.

Ярко заявила о себе с первой же роли и только что пришедшая тогда в наш кружок студентка первого курса Ира Прапро. Ей удалось передать сложный, «заковыристый» характер старшей тетушки Пабло – тети Матильды. Эту роль в дальнейшем интересно играла и Тамара Новокрещенова. Тома немного обиделась на меня, когда я пригласил

Иру Прапро принять участие в записи "Третьего слова" на магнитофонную ленту. Ведь это была первая и такая яркая роль Иры. Андрей Германович, Володя Башкиров и я были единодушны в оценке ее работы. Томик, прости меня и не обижайся. Я получил ее прощение несколько лет тому назад, когда мы экспромтом записали с ее участием две сцены из "Третьего слова". В этой записи участвовали также Алла Лобанова и моя дорогая жена Верочка.

Младшую тетушку – тетю Анхелину на премьере играла Люся Чевненко (она вытянула "счастливый билетик"), хотя все признавали, что интереснее играла эту роль Лида Иванова. Все последующие спектакли играла только Лида. Ее Анхелина была доброй, мягкой, трогательной, несобранной, беспомощно-смешной...

В июле – августе 1960 года со спектаклем "Третье слово" мы совершили гастрольное турне по Саратовской области, получив звание Лауреатов областного смотра – конкурса самодеятельных драматических коллективов. В 1960 году трое лучших исполнителей главных ролей в спектакле Лиля Конрашенко, Володя Башкиров и Леша Спиридонов окончили медицинский институт, но у них были дублеры Юля Новикова, Юра Гвоздев и Слава Федоров. Поехать на гастроли Юля не могла, и нас выручила Лиля Кондрашенко. У меня в этом спектакле была небольшая роль одного из представителей страшного, "цивилизованного" общества – профессора антропологии. Я был занят лишь в третьем акте, поэтому отвечал за музыкальное и шумовое оформление и вел весь спектакль. В мае 1961 года мы записали полностью спектакль на магнитофонную ленту. В записи участвовали: Ю. Гвоздев, Ю. Новикова, И. Прапро, Л. Иванова, В. Белов, В. Федоров, Б. Бальбарер и я. Спектакль был очень дорог всем его участникам.

В 1961 году в театре драмы и по телевидению мы играли "Закон Ликурга" (по роману "Американская трагедия" Т. Драйзера). Удачны были Тамара Новокрещенова (Сондра), Юра Гвоздев (Клайд), Ира Прапро (Роберта), Слава Белов (Самуэль Гриффитс), Слава Федоров* (Джилберт) А. Остапец (Бертина). Игравшая всегда мягких, тонких, скромных женщин Лида Иванова показала себя с неожиданной стороны. В этом спектакле она поразила всех своей победительной, хищной Стеллой. Я играл богача Стюарта – играл смачно, остро (меня хвалили), но в душе я был мало доволен (мне казалось, что я был какой-то "сделанный").

Думаю, что в этом спектакле мы не достигли уровня "Пигмалиона", "Маскарада" и "Третьего слова". Да и драматургический материал инсценировки Н. Базилевского был слабее. И все же спектакль этот очень запомнился мне, хотя причина была совсем иного рода: это был наш последний шестой курс учебы в медицинском институте, близилось расставание с нашей любимой драмой, с дорогим Андреем Германовичем. Нас, выпуск-

ников, было четверо: Юра Гвоздев, Тома Новокрещенова, Лида Иванова и я. Мы "разлетались" кто куда, вступали на трудный врачебный путь. Прожитые единой дружной кружковской семьей годы были едва ли не самыми лучшими, светлыми и неповторимыми в жизни. Действительно, у нас была большая и дружная семья. Как чисто, тепло, заботливо и трогательно относились мы друг к другу! Никакой грязи, пошлости в отношениях! И как только умудрялись мы все успевать делать: хорошо учиться (все стали настоящими врачами); самозабвенно играть на сцене; участвовать в многочисленных концертах; собираться у меня дома один-два раза в неделю слушать записи великих актеров, чтецов, певцов, музыкантов, целиком оперные и драматические спектакли; три раза в неделю приходиться на репетиции. После их окончания мы покупали в хлебном магазине "у Стружкина" наши любимые прянички, а потом были "долгие проводы" с обсуждением пережитого за день. На всю жизнь сохранились наши товарищеские отношения.

В том же 1961 году мы работали еще и над "Каменным гостем" А.С. Пушкина. Спектакль получился ярким, отдельные сцены мы стали играть в концертах, одну из репетиций в Актовом зале института записали на магнитофон, но, честно говоря, не надеялись, что он будет показан в гриме, костюмах и с декорациями "большой публике". Но нужно было знать, как нас любил Андрей Германович. Он приготовил неожиданный подарок – "Каменный гость" 2 июля 1961 года (уже после нашего окончания института) был показан по телевидению. Юра Гвоздев был интересным Дон Гуаном, Тамара Новокрещенова – пылкой Донной Анной, Слава Белов – мужественным, сильным, "бешеным" Доном Карлосом, Слава Федоров – неумолимым Командором. Лида Иванова была лиричной и одновременно непредсказуемой и острой Лаурой. Хорошо исполняла она две песни Лауры А.С.Драгомыжского под аккомпанемент Роберта Левина и Сергея Штерна. Ныне Роба профессор, сосудистый хирург. Сережа живет за границей. Он очень талантливый человек - великолепно знает и понимает музыку, пишет стихи. В нашем ТЮЗе шел "Золотой ключик" с музыкой А.И. Каца на стихи С.В. Штерна.

Участники телеспектакля «Каменный гость» (2 июля 1961г): В.Белов (Карлос), В.Федоров (Командор), В.Сероглазов, Р.Левин (гости), Л.Иванова (Лаура), Ю.Гвоздев (Гуан), А.Герасимов (Лепорелло), Л.Халемский, Н.Иванов (гости), Б.Бальбарер (Монах).

В "Каменном госте" я играл Лепорелло. Вроде бы роль получилась удачной. Но до последнего момента я был недоволен собой: мой герой казался каким-то "тяжеловесным" и русским, не хватало особой "изюминки" в роли. Лишь перед самым спектаклем понял, чего же мне не доставало. Как только я облачился в костюм, плащ, шляпу Лепорелло и меня загримировали, так сразу душа "запела", появились необходимые для этой роли легкость и изящество, мой Лепорелло стал испанцем.

Не могу не упомянуть, что через год после окончания института я еще раз играл на телевидении с драмкружковцами в "Маленьких трагедиях" А.С. Пушкина. С разрешения Андрея Германович двумя годами раньше я начал самостоятельно готовить "Моцарта и Сальери" (Боря Бальбарер – Моцарт, я – Сальери). Изредка Василевский смотрел нашу работу, делая свои замечания. Эта самостоятельная постановка не была тогда завершена (мы лишь записали на пленку пробный вариант). В дальнейшем Андрей Германович продолжил начатую мною работу, подготовив и эту маленькую трагедию с новыми исполнителями. В "Каменного гостя" Василевский также ввел других кружковцев (взамен выбывших): Инну Крамарскую (Донна Анна), Алису Остапец (Лаура), Леву Халемского (Лепорелло), Славу Сероглазова (Дон Карлос). Но я не сказал пока о главном "виновнике тор-

жества" Славе Белове – теперь он был Дон Гуаном и Сальери (Моцарта играл Вадим Михин).

Сложность показа по телевидению (тогда был прямой эфир) заключалась в отсутствии времени для смены грима и костюмов Славе. Но Андрей Германович вспомнил, что в концертах я иногда читал монолог Барона из "Скупого рыцаря". Меня вызвали телеграммой с телестудии из Баланды Саратовской области, где я работал невропатологом. Так что я попал, как говорится, "с корабля на бал" и сыграл сцену в подвале из "Скупого рыцаря" с моими дорогими товарищами.

В том же году драматический коллектив мединститута, руководимый А.Г.Василевским, осуществил постановку спектакля "Коллеги" В. Аксенова. Люблю этого автора, очень хотел участвовать в спектакле (я репетировал роль Максимова в самом начале работы над этой постановкой). Но премьера состоялась уже после моего окончания института. Спектакль посмотреть мне тоже не довелось. Мне рассказывали, что главную роль хорошо исполнил Слава Белов. Моего героя играл Артур Наумов. Чудесный человек, в дальнейшем он стал крупным ученым. А как поет Артур!

С юных лет запали мне в душу исполняемые им с собственным сопровождением на гитаре песни (лишь через много лет, когда я увлекся бардовской песней, обнаружил, что многие из них я знаю давно – "Ваше величество женщина" Б.Ш. Окуджавы и многие другие - благодаря Артуру). Мне рассказывали, что герой Артура пел и в "Коллегах" (это придавало особый шарм его образу).

К разговору о кружковцах я еще вернусь в конце главы, а сейчас поведаю о моих дальнейших встречах с самодеятельным театральным искусством.

Итак, в 1961 году я начал работать районным невропатологом в Баланде (при мне этот рабочий поселок стал городом Калининском) Саратовской области. Конечно, я пришел в драматический коллектив Дома культуры. Руководил тогда драмой талантливый, интересный, яркий человек инженер Михаил Осипович Гольцев. В 1962 году он поставил хороший спектакль "Ленинградский проспект" И. Штока. С характерных ролей мне пришлось перейти в Баланде на молодых героев (я играл младшего сына в семье Забродиных Бориса). Потом Михаил Осипович уехал в Саратов, так что руководить драмой в Доме культуры пришлось мне: я был режиссером нескольких спектаклей – "В течение двух часов" К. Спаака, "Тайга" П. Яльцева и "Третье слово" А. Касона (в постановке А.Г.Василевского). За неимением подходящего исполнителя (после долгих поисков и раздумий) мне самому пришлось быть Пабло, а на роль Марги подобрать себе невысокого роста партнершу Валю Гонтарь.

В Баланде я работал 3 года, успев за это время закончить режиссерское отделение театрального факультета Московского заочного народного университета искусств. Но своими скромными успехами на поприще самодеятельной режиссуры я обязан, прежде всего, Андрею Германовичу Василевскому. Он приветствовал и горячо поддерживал любую нашу инициативу. Не раз был я у него дома (он жил одно время рядом с театром, а затем на углу улиц Советской и Вольской). Дверь открывала обычно его прелестная жена, чудесная актриса Нина Анатольевна Гурская. После нескольких приветственных фраз она уходила к себе, чтобы не мешать нашей с Андреем Германовичем беседе.

Он давал мне задания по проведению ближайшей репетиции (если был вечером занят в театре - такие же поручения могли быть даны Володе Башкирову или Юре Гвоздеву) или обсуждал со мной музыкальное оформление будущего спектакля. Он знал, как я люблю музыку, что у меня неплохая фонотека, а также то, что я всегда могу получить консультацию Евгения Павловича Каменоградского. Именно Евгений Павлович предложил мне для "Третьего слова" малоизвестную широким слушателям дивную симфоническую легенду "Зорагайда" норвежского композитора Йохана Свендсена, которая стала лейтмотивом темы любви в спектакле (даже подарил грампластинку), а также вторую симфонию (с пением птицы) А. Скрябина. Для "Каменного гостя" он рекомендовал "Дон Жуана" Р. Штрауса и другие произведения. Бывало и так, что Андрей Германович просил меня принести для переписи на магнитофон что-нибудь из его любимых музыкальных произведений: "Грезы любви" Ф. Листа, вальсы Ф. Крейслера или романс "Когда умирает любовь" в записи несравненной Надежды Андреевны Обуховой... Иногда Андрей Германович хотел какой-то фрагмент моей роли отработать у него дома без свидетелей. Эти уроки храню в душе.

После возвращения из Калининска (Баланды) в Саратов мне довелось участвовать в двух спектаклях, поставленных Яковом Александровичем Рубиным во Дворце культуры на 3-й Дачной: "Клоп" В. Маяковского и "Добрый человек из Сычуани" Б. Брехта. После долгих поисков и неудачных проб Яков Александрович предложил мне роль Олега Баяна в "Клопе". Я даже растерялся: никогда не мог предположить, что смогу "влезть в шкуру" этого типа. Яков Александрович работал со мной совсем иначе, нежели с прежними исполнителями. Постепенно нам удалось создать причудливый образ, в котором были "намешены" хамство и слащавость, дешевый внешний лоск и ограниченность, претензии на лидерство и трусливость, напыщенное пустословие, стремление продемонстрировать свою лояльность к режиму и подленький презирающий все цинизм, неотразимость красавца-мужчины и какая-то извращенная женственность. Всего не перечислить, что творилось в душе моего Баяна. Удалось найти и яркую внешнюю форму: стремительная танцующе-летающая неугомонность и вездесущность Баяна. Я влюбился тогда в творчество

В.Маяковского. Спектакль шел три года и был показан по телевидению в 1967 году. Баяна я играл с подъемом и страстностью отдачи. И партнер – Гена Бухарицын (Присыпкин) – был у меня поразительно органичный, смешной и обаятельный.

В 1987 году, на моем творческом вечере по случаю 50-летия, я возобновил урок танца из "Клопа" и играл его с удовольствием, перевоплощаясь, то в Баяна, то в Присыпкина. Конечно, внес новые, еще более острые и яркие акценты и включил эту сцену в свой концертный репертуар. Мне было приятно, что на этом концерте был Я.А.Рубин.

А вот спектакль "Добрый человек из Сычуани" я не любил и вскоре ушел из этого театрального коллектива. В 60-е годы в Доме ученых я поставил самостоятельно два спектакля - "Дуэль" М. Байджиева и "Милого лжеца" Д. Килти. О моем "Милом лжеце" я уже рассказал в главе "Зрелище для богов", посвященной великому спектаклю МХАТа.

Добавлю лишь, что работали мы с Люсей Апанасенко вдохновенно, понимаю друг друга с полуслова. В одном из сохранившихся у меня писем Люси есть прекрасные слова о нашей постановке: «Главное в спектакле – атмосфера, воздух, когда забываешь, где ты находишься. Это создается и декорациями, и внутренним состоянием. Когда мы играли «Лжеца», я чувствовала эту атмосферу кожей, она пульсировала и клубилась». Я очень жалел, что не смог разыскать Люсю, чтобы попросить ее участвовать в уже упомянутом моем творческом вечере в Доме ученых. Обойтись без "Милого лжеца" я, конечно, не мог, поэтому прочел один несколько писем Б. Шоу и Стеллы.

Как видите, мне довелось выступать в различных театральных коллективах. Но самым дорогим и светлым осталось "время золотое" в драматическом коллективе медицинского института. Несколько слов о дорогих моих кружковцах.

Рита Зубарева после окончания института хотела стать актрисой, но потом вернулась к врачебной деятельности. Жила в Москве. Видел я ее один или два раза в последующие годы после институтских. Она была также пленительна, как и в студенческие годы.

Володя Башкиров стал едва ли не лучшим рентгенологом Саратова. Тонкий, глубокий, умный человек, понимающий, знающий, любящий искусство. Еще одно его увлечение – спортивное плавание на яхте, Волга. Встречи с ним всегда были интересны и дороги. В память о друге я прочитал монолог Арбенина из «Маскарада» на моем концерте в музее Н.Г.Чернышевского 15 октября 2011 года.

Лиля Кондрашенко стала хорошим педиатром, живет в Одинцово в Подмосковье. Изысканная, обаятельная женщина. Очень рад ее приезду на встречу друзей в 2010 году.

Алеша Спиридонов был профессором-хирургом в Москве, возглавлял столичный институт, был ярким, остроумным человеком. Вот какое стихотворное послание прислал он в 1965 году, когда была уже упомянутая товарищеская встреча:

*В Оргкомитет
"декадники" ветеранов драмкружка
Саратовского медицинского института
от члена-ветерана
Спиридонова Алексея Александровича*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

*Хоть это слышать очень странно,
Но мы теперь уж ветераны,
И как ни горько это слово,
Я счастлив Вашей встрече снова.
Декадник, иль верней – "пентадник"
(Я скурпулезен, как всегда)
Для всех большой, веселый праздник!
Так пусть поднимет тамада
Стакан, бокал или фужер,
Пусть поднимут гости же...
И выпьют тост за тех, кто с Вами
Душой и сердцем и "мозгами"
Но кто, хоть знал и день, и час,
Не смог прибыть на этот раз.*

*Поверьте, я не ренегат,
Я не отступник и не гад.
Моя любовь к кружку бездонна.
ВАШ ЧЛЕН ДО ГРОБА СПИРИДОНОВ.*

Москва. 27 июля 1965 года

Ребята! Целую Вас всех".

Тамара Новокрещенова. Милая наша Томочка, Томик. Она педиатр, живет в Москве. У Томи масса писем, фотографий, архивных материалов нашего кружка. Энергия ее удивительна. Ее стараниями были проведены многие встречи кружковцев в Москве. На мой

творческий вечер в 1987 году она прислала поздравительную телеграмму от 90 саратовских москвичей. Почти ежегодно Тома приезжает в Саратов. Обязательно встречаемся. Тома, дополни мой рассказ о нашем драмкружке. У тебя столько материала!

Лида Иванова стала профессором (инфекционистом) в Москве. В институтские годы Лида была моей любимой партнершей по сцене. Если даже у нас не было в спектакле общих сцен, всегда вместе готовили, репетировали их. Отсюда и ее трогательная надпись на программе спектакля "Закон Ликурга" (я играл роль Стюарта):

"Мой милый Стюарт! Все дни пребывания в кружке связаны с тобой. Очень жаль, что приходится с тобой расставаться. Спасибо тебе за все, все. Хочу видеть тебя на сцене актером-профессионалом. Иди, Леша, ничего не бойся. С большим уважением Лида".

Ну, быть актером-профессионалом мне оказалось не суждено, стал невропатологом (все говорят хорошим), но в самодеятельном творчестве сделал не так уж мало. И обязан этим я, прежде всего, моему незабвенному Андрею Германовичу Василевскому, любимому нашему Андреусу. Думаю, пора рассказать, почему мы так называли его (любя, на "латинский" манер). Нет, не потому, что мы медики и нам, конечно, нравилось произносить "Андреус". Случилось это "с подачи" самого Андрея Германовича, который обладал удивительным даром понимать и ценить юмор и был неистощим на смешные истории. Как-то поведал он нам такой забавный театральный случай. Шла переводная пьеса (названия не помню), в которой герцога Альбу играл дивный актер Степан Михайлович Муратов. Природа создала его истинно русским актером, которому зарубежный репертуар давался не просто (особенно трудно бывало с именами). Свиту герцога Альбы играли В.К. Соболева, А.Г. Василевский и другие мастера. Муратов должен был обратиться по имени к исполняемому Андреем Германовичем персонажу, но его подвела память. Степан Михайлович вышел из положения, переделав (как ему показалось очень удачно) имя Андрей в зарубежное "Андреус". Хохот поднялся неопишуемый и на сцене, и в зале (пришлось дать занавес: играть дальше эту сцену было невозможно). Вот так Андрей Германович и стал Андреусом.

Ко мне Андрей Германович относился очень тепло, любил меня. У меня сохранились несколько посланных мне поздравительных открыток и одно письмо, которое он прислал в Тбилиси, где я был там 4 месяца на усовершенствовании. В письме, которое хочу привести, Андреус обращается ко мне на Вы, наверное, потому, что я уже стал врачом:

"Мой дорогой Алеша!

Спасибо за поздравление! Ей богу, тронут, что не забыли!

Долго чего-то Вы "усовершенствуетесь"! Дело в том, что в этом году меня втянули в руководство кружком Дома ученых, и мы собрались соблазнить Вас прийти к нам! Позвонил я и узнал, что вы в Тбилиси до января.

У нас, у Ученых, кажется, может быть довольно любопытно. С января собираемся работать над "Пигмалионом" и нам Вас очень не хватает!

Если надумаете – будем очень рады!

У нас сейчас Белов Слава. Собираемся связаться с Юрой, только никак не поймаю его. Получил от "москвичей" поздравление – Тамара, Лидя и Алеша.

Жизнь моя в трудах и заботах. В отпуск не отдыхал, а немного подлечился здесь, в Саратове.

Ну, желаю Вам всяческих удач и радостей.

7.11.65г.

Ваш А. Василевский"

Увы, планам этим не суждено было осуществиться. Андрей Германович тяжело заболел. Юра Гвоздев и я приходили к нему в больницу. А вскоре Володя Башкиров и я провожали нашего дорогого Андрея Германовича в последний путь.

В память о нем я порой читал в концертах монолог Арбенина из 3 картины "Маскарада", или даже всю эту сцену Арбенина и Нины. Андрей Германович - мой основной театральный педагог, если я что-то умею, то прежде всего благодаря ему.

Счастлив, что судьба послала мне встречу с этим удивительным человеком замечательным мастером театра АНДРЕЕМ ГЕРМАНОВИЧЕМ ВАСИЛЕВСКИМ!

Встреча А.Г.Василевского с молодыми врачами Ю.Гвоздевым, В.Фурсаевым, Т.Новокрещенновой, И.Крамарской, В.Башкировым, Л.Кондрашенко, А.Герасимовым, А.Остапеч (29 июля 1965г)

У портрета Учителя